

такъ не допрашивали, да и не долго слушали, видно баловались, даже портретъ сняли. Это сдѣлалъ и я, да неудачно. Держалъ себя Григорій просто, безъ всякой аффектаціи, рисовки, будто дѣлалъ, распѣвая стихи, дѣло самое обычное, удивить не стремился; уставши, самъ останавливался, закуривалъ махорочную цыгарку, затѣмъ самъ заявлялъ: дальше; видимо, по временамъ самъ входилъ во вкусъ пѣнія и, несмотря на мои предложенія передохнуть, не хотѣлъ останавливаться; „постой, постой я еще“. Записъ же я производилъ такъ: сперва подъ пѣніе старался записать, что возможно (а это, первое время особенно, не легко удавалось), затѣмъ просилъ его сказывать по стихамъ, записывая и отмѣчая разныя мелкія особенности, напр. запинки, перестановки, сохраненіе или нарушеніе стиха; наконецъ, послѣ нѣкотораго промежутка, просилъ опять пѣть и по пѣнію провѣрялъ запись, отмѣчая уже новыя особенности. Такимъ образомъ дѣло подвигалось медленно, и не мудрено, что за два дня я записалъ только тысячу съ небольшимъ строкъ—весь духовный репертуаръ Григорія; но за то получилъ я полную довольно картину исполненія записи; одно, что не удалось мнѣ исполнѣ—это языкъ; въ особенности говора порознь я могъ себѣ отмѣтить, но въ каждомъ данномъ словѣ, вслѣдствіе привычки къ грамматическому письму, оттѣнки соблюсти не удалось. Григорій текстъ знаетъ твердо, повторяетъ безъ большихъ измѣненій, поэтому варіантовъ, поправокъ сравнительно мало въ его пѣсняхъ; при повтореніи о своей судьбѣ и о своемъ положеніи онъ разсказалъ просто, какъ будто дѣло это самое обычное, сохраняя при этомъ какое-то эпическое, такъ сказать, спокойствіе: будто онъ разсказывалъ не про себя, а про кого-то другого, либо пѣлъ свой стихъ. Вотъ, что разсказалъ онъ про себя: теперь ему 23 года, родомъ онъ изъ села Гломаздина (это сосѣдняго съ Рыльскимъ, Дмитріевскаго уѣзда; Капустино и его волость Петровская пограничныя съ этимъ уѣздомъ; до Гломаздина всего 10—12 верстъ), живетъ по большей части въ дер. Малышовкѣ, недалеко отъ того же Гламаздина, гдѣ у него и надѣлъ. Ослѣпъ онъ 18 лѣтъ отъ оспы; женился онъ уже слѣпымъ, чтобы „жена мыла его, въ чистотѣ содержала, кормила“, но жена-такая-сякая—черезъ годъ его бросила. Онъ было поселился у матери, но и та его прогнала, такъ какъ сама вторично замужъ вышла. Такъ и осталось одно: идти въ слѣпцы-нищіе.